Клетка для соловья

Автор:
Елизавета Соболянская

Клетка для соловья

Елизавета Соболянская

Если от судьбы (и бабушки) тебе досталось имя Секлетинья – это еще не повод опускать руки! А если твой отец – отвязный байкер, а твоя любовь – его лучший друг, есть повод вынуть из запасников характер и устроить мужчинам, ворвавшимся в твою жизнь незабываемое лето!

Елизавета Соболянская

Клетка для Соловья

Пролог

– Клеточка! – бабуля как всегда ласково окликнула внучку, – в школу пора!

– Иду! – Секлетинья Марковна Трауб подхватила рюкзачок с учебниками, поправила перед зеркалом высокий хвост и вышла на площадку перед домом.

Денек обещал быть жарким. Хорошо, что уже можно надеть босоножки и не таскать с собой куртку. Девушка поправила солнечные очки и двинулась по дорожке к выходу с участка. Вдруг ворота, которые открывались только с пульта заскрипели и отодвинулись в сторону. Клеточка остановилась, удивленно глядя на открывающуюся улицу. Там стоял мотоцикл, а на нем сидел парень в полной

мотоциклетной защите и зеркальном шлеме! Мотор взревел, байк проскочил в щель, нарезал круг, объехав ошеломленную школьницу, остановился. Парень снял шлем, открывая очень красивое и удивительно знакомое лицо:

– Ты Секлетинья? – насмешливо и грубо спросил он.

– Я, – неуверенно ответила девушка.

– Скажи бабке, чтобы перестала с Каменскими заигрывать, иначе я перестану все это оплачивать! – заявив это, парень напялил шлем и унесся прочь, гудя мотором.

С красивой застекленной веранды выглянула бабушка:

– Клеточка, что случилось?

– Бабуль, тут байкер заезжал, ворота как-то открыл и сказал… Девушка сбивчиво передала слова незнакомца и удивилась тому, как побледнела бабушка. Бросив школьную сумку Секлетинья подхватила бабулю под руку и завела на веранду, принесла холодный сок из холодильника и лекарства. Даже порывалась вызвать скорую, но Маргарина Александровна не разрешила.

– Сядь, Клеточка, – попросила она.

– Ба, кто это был? – сердито спросила внучка.

Она очень любит бабушку и не позволит всяким байкерам огорчать ее!

– Судя по всему это Марк, твой отец, – со вздохом призналась Маргарита Александровна.

Глава 1

Разве могла представить мама, что ее единственная дочь забеременеет в шестнадцать лет? Да еще от одноклассника?

– Состава преступления нет, – сказал ей унылый следователь, когда она притащила упирающуюся Милену в полицию.

– Что же делать? – растерялась Маргарита Александровна. Нет будь все немного иначе, она бы знала, что делать. Но гастроли, бенефис, дочь уже большая и часто оставалась одна, вот и проморгала она беременность. Заметила, когда ни один врач уже не брался делать аборт. А мальчишка этот, Марк еще и хорохорился – это наш ребенок, мы будем его рожать! Сопляк, прости Господи, из нищей семейки! Как только сумел зацепить ее девочку?

– Жените, пока жениться хотят, – хмыкнул мужчина, – да внука воспитывайте.

Маргарита тогда фыркнула, утащила Мильку домой, отругала, а потом все же написала заявление в ЗАГС и справку о семимесячной беременности приложила. Свадьбу, конечно, отмечать никто не стал – расписали их по-быстрому, запретив даже целоваться, и растащили по домам. Только мальчишка этот все равно к Милене лез. Веники сорняков придорожных таскал, в окно по трубе забирался, по телефону часами с ней трындел, отговариваясь тем, что объясняет школьные задания.

Может она, Маргарита и оттаяла бы со временем, приняла парня примаком в дом. Настойчивый оказался, да и Милька по нему сохла. Да только не сложилось. Не зря старая подружка – заведующая женской консультацией так хмурилась и все норовила Милену в больницу уложить. И бедра узкие ей не нравились и то, что вес она за беременность не набрала почти, и ребенок маленький слишком и…

Кровотечение открылось внезапно, ночью. Скорая ехала долгих двадцать минут, за которые от Милены остались только огромные голубые глаза на побледневшем, как полотно лице. Ребенка спасли, а молодую мать не сумели. Когда Маргарите Александровне вынесли крохотный сверточек в пестрой байковой пеленке, она заплакала, и прижала кроху к себе.

Марк стоял рядом. Тощий, нескладный, ему дочку даже подержать не дали, да и Мильку не показали, сказали, что умерла и все. Тогда, наверное, Маргарита и

озлобилась на него, такого несуразного. Много она ему наговорила, и смерть дочери припомнила, и внучку едва живую, и свою карьеру загубленную. А тот зубы стиснул и ушел.

Лет пять о нем ни слуху, ни духу не было. Маргарита ушла из театра. Стала давать уроки сценической речи на дому, чтобы не расставаться с Клеточкой. Вот ведь «удружила» внучке бабушка. Пришла ее регистрировать, да и назвала Секлетинья, так мол известную игуменью звали. Не хотелось Маргарите тогда, чтобы внучка с мужчинами водилась. Больно ей было вспоминать погибшую дочь и Марка. Потом, конечно, пожалела, да дело было сделано.

А через пять лет на имя Секлетиньи начали приходить денежные переводы. Поначалу суммы были небольшие, по нескольку тысяч, потом больше. И если первые годы Маргарита гордо складывала деньги на счет внучки, то вот последние лет пять эти суммы изрядно им помогали. Хорошая школа, качественная одежда, загородный дом в элитном поселке – все это стоило немало, а на былой известности далеко не уедешь.

Хотелось дать внучке лучшее – занятия музыкой и языками, танцы, для формирования осанки и пластики, походы на выставки. Маргарита Александровна вкладывалась во внучку, но при этом думала о том, что она уже не молода, а девочке нужен надежный тыл.

Предложение Каменского – известного в городе бизнесмена удивило ее и напугало. Тот действовал издалека – позвонил, обсудить грядущий школьный выпускной. Потом пригласил на прогулку, сделал несколько уместных комплиментов ее творчеству. Вспомнил, как ему понравились спектакли с Маргаритой Александровной в главной роли. А потом мягко перешел к сути дела:

– Маргарита Александровна, я вижу, внучка ваша подросла. Такая красавица стала! И умница!

Старая актриса плохую игру видела сразу, но решила выслушать Каменского – мужчины порой обидчивы, а с этим типом лучше дружить.

– И мой Егор вымахал, – все тем же сладким тоном продолжал Глеб Павлович, – собирается в экономический поступать…

Женщина мерно кивала, мысленно поторапливая вальяжного бизнесмена.

– Он мне недавно признался, что нравится ему ваша Секлетинья, – снизив тон, почти интимно сообщил вдруг Каменский, – умница, красавица, воспитание отличное, и к экзаменам готовится день и ночь. Мы с Натальей моей подумали – а может детей поближе свести? Вдруг и сладится у них что хорошее? С деньгами проблем нет, даже если и родят вдруг…

Маргариту Александровну перекосило. Вспомнила Милену – такую же, как Клеточка, хрупкую, тонкую. Однако обрывать сладкие речи она поостереглась. Каменский не простой человек, может жизнь испортить и бабушке, и внучке. В чем его интерес она догадалась, но виду не подала. Помялась, словно сомневаясь, а потом таким же доверительным шепотом сказала:

– Глеб Павлович, сейчас у детей большой стресс, экзамены, поступление, если еще и отношения добавятся, боюсь, оба не выдержат. Давайте уж до осени погодим, а там и поглядим.

Бизнесмен оценивающе глянул на Маргариту Александровну, но та не зря была в свое время ведущей актрисой – моментально изобразила дряхлую особу, панически боящуюся за внучку, и от поверил. Нет, за Клеточку Маргарита и правда боялась, но до маразма ей было далеко. Поэтому на следующий же день она пошла в банк и… вернула часть денег, внеся в бланк перевода несколько строк. Ядовитых строк.

Просто немолодая уже женщина вдруг поняла, что не сможет защитить внучку от семьи Каменских. А вот бывший зять с этим может справиться. Нужно его только предупредить. Точнее разозлить. Например, написать, возвращая деньги: «Нам это больше не нужно, Секлетинья скоро станет невесткой Каменских».

Правда теперь бабушка пожалела, что уверила внучку, будто ее родители мертвы. На могилу матери Клеточка ходила дважды в год – в день своего рождения и на Радоницу, а про отца знала только, что его звали Марк и был он несносным типом.

– Так мой папа жив? – столько надежды прозвучало в голосе семнадцатилетней внучки, что Маргарита не выдержала – кивнула, заливаясь слезами, и

призналась, что без помощи Марка, не смогла бы жить как прежде.

– А Каменские здесь причем? – выловила второй важный пункт девочка.

– Егор с тобой в классе учится, помнишь? – слабым голосом ответила бабуля.

– Помню, дебил редкостный, – фыркнула внучка.

– Его отец хотел, чтобы вы поженились.

– Бабушка! – возмущению Секлетиньи не было предела, – да как ты могла такое придумать!

– Прости, – посиневшие губы слабо изогнулись, – это не моя идея. Просто… твой отец стал известным бизнесменом. Каменские хотят с ним породнится, вот и пришли ко мне с предложением свести вас с Егором. Мне нечем им противостоять, Клеточка. Я боялась оставить тебя одну, сама видишь, сердце пошаливает. Вот и написала Марку. Разозлила его.

– Глупости все это! – девушка ласково провела по морщинистой щеке бабушки. – Раз у меня есть отец, я одна не останусь!

– Теперь уж точно, – прошептала Маргарита Александровна.

Глава 2

На следующий день к домику, в котором проживали бабушка и внучка, подъехала большая темная машина. Из нее вышли двое мужчин в скучных серых костюмах. Они коротко представились в домофон, вошли в распахнувшуюся калитку, и Клеточка поняла откуда-то, что ее жизнь изменится.

Так и случилось. Марк Аркадьевич Трунов по прозвищу «Финн» не желала больше быть для дочери только кошельком. Именно об этом его адвокаты сообщили Маргарите Александровне Трауб. Пожилая женщина делала холодное

лицо, но внутри радовалась – получилось! Теперь Каменский с его угрозами и планами на Секлетинью пойдет лесом!

– Я, безусловно, не могу оставить внучку на попечении одинокого молодого мужчины, – спорила с адвокатами бабушка Клеточки, – учеба и дополнительное образование требуют внимания! К тому же девочка заканчивает школу!

– Марк Аркадьевич предвидел ваши возражения, – сухо отозвался один из «серых костюмов», – поэтому предлагает вам переехать к нему вместе с внучкой. Его беспокоит безопасность девочки. Думаю, вы понимаете, что капиталы Трунова многим не дают покоя.

Маргарита Александровна поджала губы, обвела взглядом гостиную, вздохнула. Расставаться с привычной жизнью не хотелось, но…

– Я согласна! – выдохнула она. – Но попрошу Марка Аркадьевича соблюсти ряд условий.

Вот такой разговор модные адвокаты понимали! Они моментально вынули блокноты и ручки, чтобы законспектировать пожелания «второй стороны».

– В доме должно быть фортепьяно, Секлетинья ежедневно занимается…

Девушка в этот момент сидела на кухне, ела ложкой шоколадный брауни и нервничала. Бабулю она любила, маму знала по фотографиям и рассказам старшей родственницы, а вот отец… Он был фигурой загадочной, а потому романтичной. Иногда, сердясь, Маргарита Александровна уверяла, что Клеточка упрямая, как отец. Или вдруг вспоминала, что у нее такие же глаза. Потом надолго замолкала. Так что кроме имени девочка ничего о Марке Аркадьевиче не знала.

Байкер напугавший ее – это и есть Марк Аркадьевич? Такой молодой и злой? И глаза действительно, как у нее – темно-карие, и хвост светлых волос падает на спину из-под шлема. А что если эти вот строгие мужчины с папками в руках пришли, чтобы забрать ее у бабули? С отцом познакомиться хотелось, но бабушка… Это же она мазала Клеточке коленки зеленкой, она водила зимой кормить птиц в парк, учила красиво ходить, с книгой на голове и декламировать стих так, чтобы весь класс затаивал дыхание!

Брауни кончился, и Любушка, их вечная «помощница по дому» поставила на стол стакан молока. В гостиной открылась дверь, и Секлетинья забыв про шоколадные крошки на губах, рванула туда, узнать новости из первых рук.

Мужчины уходили с теми же невозмутимыми лицами. А бабушка… Бабуля выглядела строгой, но и задумчивой.

– Собирайся, Клеточка, – сказала она, – через месяц мы переезжаем к твоему отцу.

* * *

На самом верху огромного офисного центра горел свет. В просторном кабинете разносился уверенный голос:

– Трафик повышенный, но в сроки укладываемся. Хорошо бы еще парочку фур прикупить, на подмену.

Марк хмуро смотрел в окно, почти не слушая, что ему говорит его компаньон. Наконец тот не выдержал, бросил бумаги на стол, подошел и сунув руки в карманы тоже уставился в мягкие весенние сумерки:

– Что случилось, Финн?

– Помнишь Каменского?

– Помощника депутата? Противный такой типчик, – хмыкнул Антон Ильич Горецкий.

– Он активно лез к нам. Сначала пытался скупить акции у мелких собственников. Потом предлагал договор слияния с мелкой фирмочкой его жены. Причем не поверишь, чем занимается мадам Каменская!

– Удиви меня, – хмыкнул Горецкий.

– У нее клининговая компания! Предполагалось, что они возьмут на себя наши автомойки!

Друг откровенно заржал. Автомойки, автосервисы и шиномонтажки приносили Марку хороший доход. Делить его с кем-то? Глупости! Финн сам проверял свои предприятия, иногда подключая Тоху и его «банду».

– А потом он начал присылать к нам проверки. Мелочи, ты же знаешь, что у нас все в порядке. Только в марте мне позвонил один старый знакомый из Роспотребнадзора, и сообщил, что к ним пришло больше полусотни жалоб на мои предприятия одномоментно. Типовые такие, истеричные, с просьбой разобраться. Он их конечно в кучу собрал и слил, но осадочек остался.

– Встречный пал? – предложил Горецкий.

– Позвонить в налоговую или дать наводку пожарным не проблема, – качнулся с пятки на носок Марк, – только видишь, в чем дело… Этот кожаный мешок посмел протянуть свои лапы к моей дочери!

Антон передернул плечами. Про то, что у друга и соратника есть ребенок, он узнал совсем недавно. Фотография юной девушки с длинными косами выпала из папки на рабочем столе. Горецкий поднял ее и засмотрелся:

– Эх, где таких красавиц делают, – пошутил он.

А Финн резко забрал фото, сунул в папку и заявил:

– Ей семнадцать лет, Соловей, и она моя дочь!

Больше к этой фотографии и папке они не возвращались, но… Антон не смог побороть любопытства и навел кое-какие справки. Осторожненько. Тогда и всплыл счет, на который Марк ежемесячно перечислял небольшую сумму. Мог бы гораздо больше, но баловать тещу деньгами не считал нужным.

За счетом потянулась ниточка: адрес-соцсети-архивы… Нанятый для деликатных дел тощий паренек из дурного района сумел раскопать всю историю. Да Марк ее и не прятал. Считал, что прошлое есть прошлое. Правда за Секлетиньей и

Маргаритой Александровной присматривал его человек. Он же делала фотографии-отчеты каждый месяц. Вот из такого отчета и выпал тогда снимок.

Через месяц Антон держал в руках целую пачку фото и не понимал – ну чего он нашел в этой девчонке? Высокая, худощавая, двигается неплохо, но в любом клубе можно подцепить похожую. Простое не капризное лицо? Так и возраст еще трепетный. Отмахнувшись, Соловей скинул фотографии в нижний ящик стола и до поры забыл о них. А теперь вот толчком вспомнил.

– Как лапы протянул? – изумился он, – мужику за полтос!

– Зато сынуля у него в одном классе с моей дочерью учится, – фыркнул Финн. – Каменский откуда-то узнал, что я отец и начал Маргарите угрожать.

– Угрожать? – брови друга подпрыгнули в изумлении.

– Требует, чтобы Секлетинья вышла замуж за его щенка, – скривил губы Марк. – Совсем оборзел! И Маргарита хороша, перенервничала, «Скорую вызывать пришлось! Лита испугалась.

– Так она ж не знает, что за ними приглядывают, – постарался урезонить друга Антон. И тут же осторожно осведомился: – что делать будешь?

– Каменского надо окоротить, – жестко отозвался Финн, – но сейчас у нас сделка. Отвлекаться и устраивать шум нельзя.

– Спрячешь девчонку? – предположил Горецкий.

– У нее сейчас экзамены, потом подача документов в ВУЗ, – Марк неловко взъерошил безупречно уложенные волосы, выдавая свое смятение. – Я бы ее без проблем куда-нибудь услал, только она же мне не простит. Она как Мила, цельная, и учебу на Мальдивы не променяет.

Антон удивился, явно различив в тоне друга отцовскую гордость. Но и озадачился:

– Тогда как? Охрану приставить? Ты знаешь, что это не выход. Каменский все равно напакостит.

– Охрана и так есть, на расстоянии, – признался Финн, – но мне нужен кто-то ближе. Тот, кто сумеет защитить девочку от нее самой.

Антон вопросительно поднял брови.

– Маргарита, – поморщился в ответ Марк. – Она Литу воспитала как аристократку прошлых веков. Фортепьяно, танцы, поэзия… Сам знаешь, как легко такую девочку заставить выйти замуж, угрожая здоровьем бабки, например. Или несуществующими долгами.

– Приставишь к дочери гувернантку? – фыркнул Горецкий. Он не верил в «хороших девочек». Обжегся и не раз.

– Сейчас женщин-телохранителей в области нет, – качнул головой друг, – я узнавал. Все, кого можно найти, на контрактах.

– И? – Соловей недоумевал. Финн частенько удивлял его своими решениями, но тут ситуация была практически патовая.

– Я послал к Маргарите Федорыча с напарником. Они обсудили переезд ко мне, но после сделки. А пока ребята будут присматривать за ними до моего возвращения.

– Ты уезжаешь? – удивился Антон.

– Придется. Послезавтра подписание, а мне кажется вторая сторона мутит. Нужно еще раз изучить контракт, подготовить запасные варианты и прочее. Когда вернусь дочь и теща перейдут в мой дом. Шум поднимется, конечно, но это все ерунда. Проблема в том, что мне нужно лететь обязательно, а перевозить их к себе сейчас опасно. Поэтому я прошу тебя за ними присмотреть!

– Что? Финн, ты охренел? Где я и где твоя теща? – Антон аж пошатнулся, представив себе перспективу общения с пожилой дамой театрального разлива.

– Теща не твоя забота, – отмахнулся от него Трунов. – Я к ней Никифорыча приставлю. Ты его знаешь. Он профи, Бродского ей почитает, Лермонтова, будет на глазах держать. А Лите надо в школу ходить, в универ на курсы ездить, в общем одну отпускать нельзя, но от охраны она сбегать будет. А ты присмотришь!

– Я что нянька? – возмутился Горецкий.

– Ты мой лучший друг, – возразил Марк, – и единственный, кому я могу доверить жизнь и безопасность Секлетиньи!

Они поговорили еще немного, но основное было уже сказано. А на следующее утро Соловей надел «черепашку», косуху и отправился к домику Маргариты Александровны – знакомиться с подопечными!

Глава 3

Секлетинья сидела в своей комнате, и с грустью рассматривала письменный стол, заваленный тетрадками, блокнотами, стикерами и прочим бумажным хламом. Весть о скором переезде ее не обрадовала. Выпускной класс и так напряженное время, а теперь еще нужно решить, что стоит взять с собой в новый дом, в новую жизнь. Что будет с ее любимыми обоями в облаках и феечках? Стоит ли тащить несколько скетч-блокнотов с цветными страницами? Пастель? А как же фортепиано? Не то, чтобы Секлетинья часто открывала инструмент в последнее время – отчетный концерт прошел еще в мае, но этот монстр, покрытый черным лаком, был частью ее жизни с четырех лет!

Бабушка тоже вздыхала в своей комнате. Она не собиралась отдавать внучку зятю, но и расставаться с домом, в котором прожила столько лет, было тяжко. Сколько памятных вещей хранили эти стены! Маргарита Александровна листала альбом в толстой плюшевой обложке и привычно тихонечко разговаривала с дочерью:

– Видишь, Милечка, как все обернулась. Может ты и права была. Не забыл твой Марк ни тебя, ни вашу девочку…

Ее шепот прервал рев мотора у ворот и громкий свист и крик:

– Эй, хозяйка!

Помянув недобрым, но весьма витиеватым словом разных проходимцев, Маргарита Александровна отложил альбом, одернула домашнюю блузку с элегантным бантом у горла, и вышла на дорожку. Клеточка выбежала быстрее бабушки – в домашнем сарафане, босиком, с растрепанной косой до пояса.

– Бабуля, кто это?

– Не знаю, детка, постой тут, я выясню, – с напускным спокойствием ответила бабушка, открывая калитку.

На площадке у ворот стоял мотоцикл. Рядом стоял великан в агрессивном черно-алом кожаном костюме. Его шлем небрежно висел на руле, а теплый ветерок трепал длинные каштановые волосы, собранные в хвост. Ухоженная борода и усы придавали незнакомцу сходство с Джеймсом Момоа.

– Добрый день, – рокочущим баритоном сказал мужчина, – меня зовут Антон Горецкий. Финн… То есть Марк Трунов просил меня присмотреть за вами, пока он в отъезде.

Маргарита Александровна недовольно поджала губы. Все-таки этот мальчишка ничуть не изменился! Надо же, прислал к ним какого-то бугая необразованного!

А вот Клеточка была в восторге! Огромный блестящий мотоцикл притягивал ее, как леденец дошколенка! Мужчину она рассматривала лишь приложением к этому потрясающему зверю!

– Добрый день, – сказала она, щурясь от солнца, – а можно покататься?

– Нельзя! – грубо ответил мужик, но тут же прибавил: – тебе завтра куда надо и во сколько?

– Завтра? – Секлетинья закусила губу припоминая, – с утра консультация перед экзаменами, в девять. Потом нужно в магазин за красками съездить, а вечером

мы с одноклассниками на озеро идем.

– Скинь мне адреса, – строгим тоном потребовал байкер, – и контакты, завтра к половине девятого будь готова.

– Но до школы ехать почти полчаса! – удивилась девушка.

– Пф, – фыркнул байкер и погладил своего «железного коня», – мы с перышком долетим за три минуты. Набирай контакт!

Маргарита Александровна покраснела от гнева, сообразив, что страшный зверообразный мужик собирается везти ее девочку на грохочущем куске железа, но сказать бабушка ничего не успела – получив из рук Секлетиньи свой смарт, байкер молниеносно натянул шлем, и с бешеным ревом умчался прочь.

Глава 4

Бабушка и внучка молча вернулись в дом. Клеточке хотелось вопить и прыгать от радости – от недавней хандры не осталось и следа, а вот Маргарита Александровна кидала на внучку обеспокоенные взгляды. Опасность пришла откуда она не ждала. Мужчины. Ведь и с дочерью так же получилось! Ну кто бы мог подумать, что серьезная, умная и тонкая старшеклассница настолько потеряет голову от парня?!

Да и у зятя наверняка есть свои планы на дочь. Марк Трунов стал бизнесменом, а наследников у него нет. Самый удобный вариант – выдать Клеточку замуж за того, кто сможет удержать его «империю». А Секлетинья совсем девчонка – юная, наивная, доверчивая. Общалась только с одноклассниками да чуть-чуть с преподавателями. Ее помани чем-то ярким и «взрослым», и она тут же позабудет об образовании, согласится на замужество, а там и бабуля останется коротать дни в одиночестве.

Вздохнув и понурившись, немолодая женщина поставила чайник, и еще раз погладила пышную крышку альбома.

– Ба! – Секлетинья пританцовывая вышла на кухню, и чмокнула бабушку в щеку, – я все собрала, давай чаю попьем!

– Переезд не скоро еще, – качнула головой Маргарита Александровна, – еще десять раз все переложишь.

– Значит переложу, – безмятежно улыбнулась девушка.

Она заметила и альбом, торопливо убранный на полку, и резче обозначившиеся морщинки на лице единственного дорогого человека. И даже понимала тревогу бабушки, но… Клеточке было интересно! Она же никогда не видела своего отца! Была лишь одна фотография, спрятанная под общей фотографией класса. Секлетинья нашла ее нечаянно, когда рассматривала альбом одна. И очень обрадовалась, догадавшись кто тот очень светлый блондин на фотографии рядом с ее матерью. Марк. Марк Трунов. Они очень здорово смотрелись рядом – ее молодые родители. Влюбленные, нежные, немного смешные. Девочка часто гладила эту фотографию, когда оставалась одна, а потом снова прятала ее туда, где нашла. Почему-то знала, что бабуля не захочет видеть это изображение.

А теперь у нее есть шанс познакомиться с отцом. Сравнить черты лица, цвет глаз, волос и кожи. Да что там говорить, Секлетинья готова была порхать от осознания того, что на свете есть еще один родной человек!

Выпив чаю и поболтав с бабулей о геранях, Клеточка ушла к себе – готовиться к консультации. На самом деле она завалилась на кровать, и принялась искать того пугающе огромного мужчину, которого отец прислал «присмотреть» за ней. Антон Горецкий. На карточке, которую он ей протянул под тяжелым взглядом бабули было написано имя и фамилия, безо всяких отчеств. Еще был номер телефона и мейл, но, возможно, это корпоративная почта? В любом случае – туда лучше не писать. А вот поискать этого мужчину в соцсетях…

Информация появилась, но довольно скупая. Родился… Так, он моложе Марка Трунова, но ненамного, лет на пять. Много фотографий с байкерских слетов, прохватов и фестивалей. Прозвище «Соловей» – а вот это интересно! Почему «Соловей»? Он хорошо свистит, или… разбойник? Хихикнув над своим дурацким предположением, Клеточка с огорчением поняла, что в соцетях Антона Горецкого нет. То есть там, конечно, много Горецких и еще больше Антонов, но именно этого огромного байкера на черно-алом мотоцикле – нет.

Девушка откинулась на подушку удобнее и задумалась – как это, наверное, здорово сидеть у костра, петь под гитару, и слушать шёпот ночного леса. Бабуля на такие мероприятия ее не отпускала. Стращала простудой «по-женски», комарами, пауками и всем, что могла придумать. Секлетинья сдавалась под яростным напором родственницы, но где-то в глубине души всегда мечтала, что однажды она пойдет в поход, и познает всю ту романтику, о которой шептались девчонки, которых родители отпускали.

Незаметно Секлетинья задремала, и не слышала, как бабуля вошла и накрыла ее пледом. Убедившись, что внучка крепко спит, Маргарита Александровна ушла к себе в спальню, и вынула планшет. Она искренне считала, что старость наступает, когда мозг становится ленивым, теряет любопытство. Поэтому не только внучке купила ноутбук для занятий, но и себе вот такую удобную игрушку приобрела. Карточку с контактами байкера Клеточка оставила на тумбочке. Вбить номер в поиск – дело минуты. Потом бабушка сосредоточенно листала фотографии, читала скупые строчки официальной биографии на сайте фирмы, покусывая карандаш делала заметки в блокноте. Все говорило о том, что Марк всерьез озаботился безопасностью дочери. Только вот почему? Потому что стал сентиментален? Или блюдет свою выгоду?

Отложив планшет Маргарита Александровна подошла к окну, приоткрыла его, вдохнула вечерний воздух. Она не оставит Клеточку одну, но да поможет Бог Марку Трунову и Антону Горецкому, если они посмеют обидеть ее девочку!

Утром, едва открыв глаза, Секлетинья принялась собираться. Ну что за ерунда – сходить на консультацию почти летом? Но это не годилось, то путалось, это полнило… В общем к восьми часам растрепанная, красная, едва не плачущая девушка вышла на кухню выпить воды. Есть от волнения совершенно не хотелось. Бабушка молча поставила на стол чашку мятного чая, пиалку с творогом и яблоко. Сначала сам собой выпился чай, потом ковырнулся творог, а яблоко Клеточка догрызала в комнате, решив наконец, что мешковатые брюки, кроп-топ и рубашка будут отлично выглядеть и на мотоцикле, и в школе! А еще кроссовки и… бандана! Да, красная в огурцах! Вот!

Маргарита Александровна молча смотрела, как внучка запихивает в маленький рюкзачок тетрадь, документы, телефон и пару батончиков мюсли. Теперь, когда спешить было некуда, она легко считывала с лица выпускницы волнение, предвкушение и робость. Да, этот странный мужчина на ревущем мотоцикле зацепил внучку. Теперь нельзя и слово против сказать – будет отращивать

колючки, как Милена в свое время.

Нет уж, теперь Маргарита Трауб такой ошибки не совершит! Хочет Клеточка лететь мотыльком на огонь – пусть летит. А бабуля пока приготовить запасной аэродром. Благо деньги есть. Счет Секлетиньи все еще под ее управлением. Отец ведь не позволит девочке голодать или ходить пешком? А значит деньги можно использовать иначе!

Едва Клеточка вышла к воротам, и радостно улыбаясь вышла навстречу мрачному байкеру, Маргарита Александровна взялась за телефон:

– Алло! Галочка! Давно не виделись. Скажи мне, дорогая, твоя мама еще продает тот домик? Да? Отлично! Хочу приехать, посмотреть…

* * *

Секлетинья вышла к воротам и опять невольно восхитилась огромным прекрасным мотоциклом и таким же огромным мужчиной в черной коже с алыми вставками. Он окинул ее взглядом и кажется одобрил брюки, рубашку и тяжелые кроссовки.

– Держи! – в руки девушки опустился мотошлем.

Она, благоговея и восторгаясь немного запуталась в незнакомой конструкции, но ей тут же помогли сильные пальцы, пахнущие кожей и железом. Потом ей вручили потертые перчатки:

– Надевай! Без них никак.

Следом на плечи упала кожаная куртка:

– Застегивай до самого горла!

Клеточка подчинилась. Куртка была новой – ее размера, и со специальными вставками на спине, на груди и в рукавах.

– После занятий заедем, купим тебе ботинки, штаны и «черепашку», – еще раз взглянув на ноги девушки пробубнил Соловей.

– Это обязательно? – Секлетинья оценила скованность движений в новой непривычной одежде и попыталась отказаться от обновки.

– Обязательно! Под них можешь шорты надевать или юбку в рюкзаке возить, но на байк садишься только в экипировке! – строго сказал Антон, в который раз проклиная поручение Финна.

Девчонка закивала, как китайский болванчик.

– Теперь смотри сюда! – Горецкий объяснил, как правильно садится на байк, как держаться, куда наклоняться, и почему в шлеме есть встроенные микрофон и динамик. Потом закинул маленький рюкзачок девчонки в короб и кивнул головой: – садись!

Первая поездка запомнилась Клеточке ощущением небывалого восторга, смешанного с ужасом. Точнее ужас был основной эмоцией. Полная зависимость от пилота. Встречный поток воздуха бил так, что девушке хотелось влипнуть в широкую спину. Соловей не гнал – вел байк плавно, избегая резких поворотов и узких промежутков между машинами. Опасался за девчонку, да и сам нервничал. Погонять он сможет вечером, когда пигалица будет видеть десятый сон. А вот приглядывать за той машиной, что «приняла» их на выезде из поселка – это надо сейчас.

Отдав голосом, приказ сменить канал, Соловей быстро перекинул информацию с номером преследователей службе безопасности Финна, потом подумал и набрал знакомого байкера из клуба:

– Алехан, привет!

– На связи, – серьезным тоном отозвался мужчина.

– Финн попросил присмотреть за его девчонкой, и нам на хвост упали какие-то мутные типы. Скинуть бы их и слегка помотать. Любопытно, кто это такой смелый…

– Ни вопрос, – в голосе Алехана прорезался азарт, – ты сейчас где?

– Из «Домостроя» в «Солнечный» качу без поворотов. Девчонке в школу надо, и очень мне этот шлейф не нравится…

Старый друг, услышав про школу запнулся, потом осторожно уточнил:

– Девчонка Финна – школьница?

Соловей с трудом удержался от крепкого словца. Их клуб составляли бывшие военные, поэтому мат во время операции они не одобряли. Вот потом если надо – отойди в сторонку и поливай бурьян как хочешь. А на связи будь короток и корректен.

– Это его дочь, – мрачно буркнул Антон, аккуратно проезжая мимо поста ГАИ на въезде в город.

– Дочь? Тогда понятно, – в голосе друга послышалось облегчение, а потом довольство: – вижу вас! Давай чуток ускорься и вильни, счас все будет!

Глава 5

Сердце Секлетиньи бухало как барабан. Поездка на мотоцикле напоминала полет – плавно, быстро, волшебно и дико страшно!

Иногда Горецкий бормотал себе под нос нечто короткое и экспрессивное, потом динамик щелкнул, отключаясь, а через несколько минут байк рванул с места, вильнул между машинами, и юркнул к заправке. Какая-то неприметно-серая машина тут же заметалась в потоке, но мотоцикл проскочил заправку, и рванул по дороге назад. Неизвестный автомобиль развернулся через двойную сплошную и помчался в догонку. Однако был тут же остановлен выскочившим откуда-то экипажем ГИБДД и дальнейшего, Клеточка уже не видела – Горецкий вернулся на нужную им дорогу и через две минуты остановился возле ее школы.

– Сколько часов длится консультация?

– Обычно два часа, – Секлетинья медленно сползла с сидения, чувствуя, как трясутся руки и ноги. Как ни старалась она говорить ровно, голос все равно дрожал. Сняла шлем и куртку, стянул перчатки, отдала все пилоту, и получила взамен свой рюкзак.

– Через два часа жди здесь! – приказал мужчина, захлопнув кофр, и в доли секунды умчался из школьного двора.

Клеточка посмотрела ему вслед, вздохнула и вошла в здание.

Одноклассники уже собрались возле кабинета. Сидели на подоконнике ожидая «Мимозу», так прозвали Милану Мстиславовну между собой.

– Клетка, привет! – к девушке подскочила бойкая Алинка и потянула к подружкам.

Еще две девушки стояли у окна и с любопытством смотрели на Секлетинью:

– Привет!

– «А кто этот накачанный красавчик?» – спросила Катя, тряхнув стильной ассиметричной стрижкой с выбритым виском.

– Какой красавчик? – решила немного потянуть время Клеточка.

– Который тебя привез на крутом байке, – не дала подружке «соскочить» Алина. – Мы все видели! Неужели ты себе бойфренда нашла? Такого крутого?

– Или это твой брат? – с надежной уточнила Лилька, поправляя разложенные по плечам светлые локоны.

– Не брат и не бойфренд, – понимающе хихикнула Секлетинья, – друг отца. Присматривает за мной до переезда.

– Ты уезжаешь? В Москву? В Питер?

– Куда?

– Когда?

– Тихо-тихо! – снова улыбнулась девушка, делая вид, что шутливо отбивается от подруг. – Не уезжаю, а переезжаю. К отцу. Куда точно пока не знаю. У него дом в нашем городе. Поступать буду туда, куда собиралась – на филологический. У меня бабуля уже старенькая, так что ни в Москву, ни в Питер я точно не поеду.

– Кто же у тебя отец, если у него такие друзья? – с легкой завистью вдруг спросила Алинка, глядя в окно.

– Его зовут Марк. Марк Аркадьевич Трунов, – ответила Секлетинья, не подозревая какой эффект вызовут ее слова.

– Чтооо? Финн твой отец? – Алинка чуть не свалилась с подоконника, а следом и Катя с Лилькой сделали огромные глаза, подчеркивая свое изумление.

– Финн? Кажется, Антон его так называл.

– Антон? Какой Антон?

– Этот, который меня привез, – кивнула на школьный двор девушка.

– Держите меня семеро! – схватилась за голову подружка, и тут же наехала на Клеточку: – ты почему не сказала, что Финн твой отец?

– Ты что? – удивилась такой агрессии Секлетинья. – Да я и сама не знала! Мама же умерла. Я у бабули жила. А как отца зовут только в школе узнала, из документов. Прозвище только вчера услышала!

– То есть ты реально не знаешь кто такой Финн? – Алинка вытаращила глаза.

– Да откуда? – пожала плечами Клеточка, – вот кто сейчас режиссер в нашем театре – знаю! И кто будет дирижировать в филармонии тоже!

– А, ну да! – Синельникова приняла чуть высокомерный вид, давая понять, что сейчас будет просвещать глупенькую одноклассницу. – Финн, это же владелец сети «Финиш»!

Клеточка хлопнула глазами. Ого! Выходит ее отец владелец той самой сети туристической одежды? Финские куртки, туристические ботинки, рюкзаки, и что-то там еще?

– У меня же маман в администрации работает! Она мне рассказывала, что «Финиш» – это только вершина айсберга. Что на деле Финн давно уже половину города скупил!

– А я слышала, что отец очень доволен контрактом с «Финишем», – прибавила Катька, нервно дергая длинную прядь, – они там что-то перевозить для них будут!

Отец Катерины еще в начале двухтысячных выкупил разорённую автобазу, и теперь все грузоперевозки в городе и частично в области производились его фурами и «газельками».

В общем через пять минут Секлетинья поняла, что ей во многом завидуют не потому, что в ее жизни появился давно потерянный отец, а потому, что он весьма влиятельный и состоятельный бизнесмен. В какой-то момент ей стало неприятно, но тут по коридору быстро пролетела «Мимоза» и застрекотала:

– Бегом-бегом, сейчас разберем основные положения к экзамену, потом зададите вопросы!

Выпускники неохотно потянулись в класс.

Глава 6

За окном сияло солнце, легкий ветерок шевелил листву, а в кабинете было душно, пахло мелом, книжной пылью и перегретым компьютерным блоком. Клеточка тоже сморщила нос и устроилась на любимой третьей парте.

– Итак, достаем тетрадки, нужно будет записать…

Не успела закончить фразу, как дверь открылась, впуская Каменского.

– Милена Мстиславна! Простите за опоздание! – бодро прокричал он, ныряя в ряд между партами и моментально прячась за спиной Секлетиньи.

Девушка вновь поморщилась. Егор был слишком ярким и шумным парнем. Ей всегда казалось, что он чрезмерно красуется, лезет вперед, словно боится, что про него позабудут. Парень шумно рухнул за парту, и вынул из папки тонкую тетрадку и карандаш, приняв при этом самый деловой и комичный вид.

Учитель тоже поморщилась, но вернулась к изложению особенностей экзамена:

– Итак, повторяю еще раз! На весь экзамен отводится три часа пятьдесят пять минут. Ни минутой больше! С собой можно шоколадку и бутылочку воды. Маски обязательно. Ручки гелевые, черные. Обязательно берите запасные!

Секлетинья делала пометки, прикидывая, как все это собрать, уложить и не потерять в той суматохе, которая воцарилась в их доме.

– Трауб, эй! – Каменский воспользовался тем, что «Мимоза» повернулась к доске, чтобы записать что-то и ткнул Клеточку карандашом в плечо.

– Чего тебе, – слегка обернулась девушка.

– Пойдем после тягомотины в кафешку? Угощаю!

– Не могу! – довольно ответила Секлетинья, – меня сразу заберут.

Каменский нахмурился:

– Кто еще заберет? Отец сказал, чтобы я тебя привез к нам на шашлыки!

– Камень, ты не понял? – зашипела Клеточка, которой одноклассник мешал слышать учителя, – меня сразу после занятий заберут домой! Я теперь под

охраной!

Парень начал шепотом выяснять что изменилось в ее жизни, но ему неожиданно громко ответила Алинка:

– Каменский, отвали от Трауб! Ее отец нашел, тебе ничего не светит!

– Какой еще отец, – отмахнулся местный ловелас, – она ж с бабкой живет!

– А вот такой! Про Финна слышал?

Клеточка как раз повернулась, чтобы возмущенно шикнуть на болтунов, и потому заметила озадаченно-задумчивое лицо одноклассника. Камень дураком не был. То, что его толкали сблизиться с Секлетиньей, принимал за желание отца «стать ближе к городской культуре». Но услышав об отце, парень иначе взглянул на девчонку. Прежде он предполагал закрутить легкий романчик. Возможно, продинамить ее полгода-год, посещая всякие выставки и премьеры. Сыну уважаемого человека нужно увлекаться культурой и активно участвовать во всяких студенческих мероприятиях. Милая воспитанная спутница, имеющая влиятельную в культурных кругах бабулю, вполне годилась на роль «золотого билета». Ну и маман будет довольна, ее до сих пор качает при упоминания аристократического происхождения Маргариты Александровны.

Но Финн. Это меняет расклад. Динамить нельзя. Нужно хватать в охапку и тащить в ЗАГС, а если будет сопротивляться – трахнуть, да так, чтобы забеременела, а потом прийти к папаше с повинной головой и желанием создать ячейку общества.

Камень осклабился, и склонившись к увлеченно писавшей что-то в тетрадке Секлетинье прошептал с придыханием в самое ухо:

– А давай сбежим? Я знаю клевый суши-бар неподалеку!

Клеточка лишь нервно дернула глазом в сторону тяжело дышавшего парня. Какие суши? Ей надо определиться с темой! И Розенталя вечером почитать!

– Камень, отстань! Экзамены скоро!

Каменский разочарованно вернулся на стул и задумался. Ладно, не прокатило. Надо будет у Алинки узнать, что нравится этой Трауб. Может она любительница оригами, или экзотических бабочек? Схема давно известная – девушку надо удивлять, дарить подарки, и вести себя чуть нахальнее, чем она позволяет. Конечно, он уже не пятиклассник, тискать девчонку в коридоре, давно есть куда привести симпатичную тянку, но похоже придется вспомнить былые подвиги и для начала зажать Летку на лестнице. А там видно будет!

Девушка о планах одноклассника не догадывалась. Сидела, строчила, а когда выдалась передышка посмотрела в окно. Погода радовала. Сейчас бы на реку, или в лес! Сразу за их поселком вставал красивый сосновый бор, а к нему подступало не менее прекрасное озеро. Жаль, бабуля занята, а одной на озеро идти глупо. Всякие папенькины сыночки, вроде этого Каменского обожают приезжать на берег, ставить мангалы и цеплять проходящих симпатичных девчонок. Лучше уж не привлекать к себе такое внимание!

Секлетинья так задумалась о том, что еще нужно сделать, что на Егора и внимания не обратила. Едва объявили, что на сегодня – все, девушка закинула письменные принадлежности в рюкзачок и двинулась к двери. А расслабившийся Камень – опоздал! Он правда кинулся догонять пропажу, но легконогая девчонка выбежала на улицу, и радостно вдохнула свежий воздух. Даже пустая школа давила ей на плечи. Клеточка любила и умела учиться, но атмосфера их престижной школы порой казалась ей слишком напыщенной.

Каменский вылетел на крыльцо как раз в тот момент, когда рядом с девушкой остановился роскошный байк черного цвета, расписанный языками огня. Парни, с шумом вывалившиеся вслед сначала замерли, оценивая хищный дизайн мотоцикла и офигительную защиту пилота, потом оценили то, как смотрится на фоне «железного коня» хрупкая, но изящная фигурка их одноклассницы. Девчонки просекли этот выгодный контраст еще раньше, и теперь смотрели с откровенной завистью.

Мужик поднял забрало шлема, повернулся, что-то сказал и щелкнул замком кофра. Вынул шлем и подал Секлетинье, потом вручил куртку и перчатки. На освободившее место сунул ее рюкзак и терпеливо вынес ее попытку сесть на мотоцикл в шлеме. Тяжелый зеркальный конус изрядно мешал, так что девушка пару раз стукнула пилота по спине. Алинка и Катька фыркнули. Им казалось, что уж на высоченное седло байка можно было сесть изящнее и даже сексуальнее. Пусть непривычный шлем сбивает с толку, а куртка, хоть и подобрана по

размеру, но своей жесткостью сковывает движения. Не важно! Есть же еще ноги – длинные и красивые, и танцевальная растяжка! Надо постараться превратить этот момент в шоу! Главное ведь – очаровать и соблазнить взрослого мужчину. Того, кто может открыть дорогу в мир больших денег и связей.

Правда одноклассницы Клеточки не ведали, что на всевозможно «красиво закинутые» ножки «Соловей» уже насмотрелся. Видывал он и профессиональных моделей, и простых девчонок, приезжающих на байкерские слеты. Давно не ловился на слезы, гримасы, поджатые губки и сладкие улыбки. А вот на эту естественную неловкость и смущение – вдруг дрогнуло сердце.

Секлетинья же садясь в седло байка и не помышляла о красивых движениях или соблазнительных улыбках. Она предвкушала полет! И «Соловей» не обманул ее ожиданий. Мотоцикл сорвался с места, вылетел на дорогу и помчался так, что девушке пришлось приникнуть к широкой спине пилота, чтобы ветром не отбрасывало назад.

Они выехали за город, промчались по трассе и остановились возле огромного молла. Клеточка была тут только один раз, когда торговый центр только открылся. Они приехали на специальном автобусе, который ходил из города, и долго бродили между бутиков, «островов» и магазинов, любуясь новенькими сверкающими витринами. Теперь же мотоцикл привез ее на подземную стоянку.

Оставив байк под камерой, и щелкнув брелоком охранной системы, Горецкий повел девчонку в магазин товаров для мотоциклистов. Куртку он выбрал сам, но уже видел, что сидит она на Клеточке не совсем так, как нужно. Да и шлем лучше подобрать точнее.

В магазине девушка с интересом крутила головой. Здесь пахло пластиком и кожей, металлом и красками. В углу притулился маленький прилавок, за которым расположился длинноволосый парень, аккуратно зашивающий кожаную куртку. Увидев Горецкого, он радостно вскочил и пожал ему руку:

– Соловей! Барышню привез? Что надо?

Антон не спеша озвучил пожелания, и указал на две скромные примерочные кабинки, скрытые пирамидой шлемов. Клеточка взяла охапку брюк задернула занавеску и долго рассматривала себя в зеркале. Как удивительно одежда ее

меняла! Вот ее джинсы – красиво обрисовывают фигуру, но без излишеств, а плотные кожаные брюки с какими-то специальными ремешками и карманами в один миг превращают скромную школьницу в оторву! Но нет, штаны Горецкому не понравились. Вместо них он выдал ей джинсы с запредельной ценой на этикетке.

– Кевлар, – со знанием дела почти пропел продавец, – при падении примут на себя удар и сохранят ноги!

Секлетинье понравилась куртка с лихой росписью, но Горецкий опять поморщился:

– Летом будет жарко. «Черепашку» принесите!

Через минуту девушка примеряла водолазку-сеточку с жесткими пластинами в стратегических местах. Куртку выбрали ту, которая налезла на «черепашку».

Потом долго подбирали новые перчатки с защитными пластинами и мотоботы. Тяжеленные ботинки тридцать пятого размера не нашли, пришлось брать тридцать шестой плюс какие-то специальные носки, отводящие пот.

Финальной покупкой стал шлем. К этому моменту Клеточке хотелось упасть и умереть, однако она сразу приободрилась, когда длинноволосый присвистнул:

– Ну, Соловей, если с такой куколкой на фест приедешь, придется травмат таскать! – пошутил продавец.

Горецкий только дернул щекой, бросил на Клеточку короткий взгляд и лениво ответил:

– Не пугай малышку, на фестах к малолеткам не клеятся!

– Да я так, – смутился парень, – больно уж хороша!

Соловей мрачно глянул на болтуна и катнул по прилавку карточку:

– Берем!

Когда они вышли из магазина с парой больших пакетов, друг отца мельком глянул на часы и спросил:

– Есть, пить, в туалет?

Клеточка хотела было возмутиться – она не дитя! Но потом поняла, что да, надо бы все это, только в обратном порядке! Мужчина, к ее удивлению, неудовольствия не высказал. Довел до ближайшего фуд-корта, сгрузил пакеты на столик и кивнул на значок с синенькой женской фигуркой:

– Беги, куда надо, потом перекусим, у тебя аллергии нет?

Вот теперь Секлетинья удивилась очень сильно. По ее опыту мужчин такие «мелочи» вообще не интересовали.

– Есть, на речную рыбу.

Горецкий поднял брови, но от вопросов воздержался, а Клеточка не стала делиться историей поездки в деревню, рыбалки, ухи и длительного отравления. Аллергия на речную рыбу и точка!

Пока девушка мыла руки, Антон осмотрел ближайшие закусочные и остановился на палатке, в которой предлагали вок. Взял себе порцию стеклянной лапши в устричном соусе, дополнительную порцию рыбы и кофе с десертом в соседней палатке. Девчонка успела вернуться вовремя, чтобы одобрить лапшу и красную рыбу, а вместо кофе и чизкейка взять молочный коктейль с вишневым сиропом.

Потом они молча ели – сказались усталость и голод, да и говорить не хотелось. Когда коробочки опустели, Клеточка собрала все на поднос и унесла к мусорке, оставив мужчине перенос тяжестей. Горецкий без лишних слов подхватил пакеты и двинул к лифту. Во второй половине дня ему нужно было заехать в офис, проверить работу своей службы, ну а пока следовало доставить девчонку домой и узнать, что она делает завтра.

Глава 7

К родному дому Клеточку привезли только к семи вечера. Кажется, они совсем недолго пробыли в магазине, но потом их задержали в гараже – туда ввалилась целая толпа мотоциклистов в ярких куртках. Один из них отвел Соловья в сторону и долго что-то ему втолковывал. В результате с подземной стоянки выезжал не один байк, а целая «стая».

– Прокатимся, – голос Горецкого прозвучал в динамике шлема так ровно, что клеточка напряглась.

Ее попросили переодеться в свежекупленную одежду, и спрятать волосы под шлем. Потом рядом очутилась девушка, такая же невысокая и худенькая. Она постояла рядом посмотрела, как Секлетинья сидит за спиной у друга отца, потом что-то показала знаками, и ушла к своему мотоциклу. А дальше…

Байкеры вырвались со стоянки торгового центра, как дикие варвары! В реве мотоциклов и панике прохожих как-то потерялся тот факт, что компания разделилась на три части. Две свернули на боковые улицы, одна полетела по центральному проспекту. Соловей был в той, что свернула налево. Потом они разделились еще раз, и еще. Когда осталось два байка из переулков вдруг вынырнули еще несколько «железных коней», раскрашенных почти так же, как байк Горецкого, и у всех парней позади сидели худенькие девушки в полном снаряжении.

Еще несколько поворотов – Клеточка вдруг поняла, что они едут на противоположный конец города! Забыв про динамик, она закричала:

– Что происходит?

– Тише! Все нормально, – ровный голос на этот раз почему-то успокоил. – Заедем на несколько минут к моей сестре.

У девушки даже уши задрожали от любопытства. Ее внезапный «нянь» впервые что-то сообщил о себе!

– Хорошо, – сказала Клеточка, уже немного успокоившись, – только бабуля будет волноваться.

– Ее предупредят, – ответил Соловей, резко перестраиваясь в соседний ряд.

Через десять минут они остановились возле симпатичного двухэтажного коттеджа, с красивой красной кровлей. Горецкий щелкнул брелком, и ворота поехали в сторону. Закатив мотоцикл во двор, и убрав его в тень, мужчина закрыл ворота, кивнул кое-как сползающей с седла Секлетинье, убедился, что она стоит на ногах и только тогда снял шлем:

– Войдем в дом, передохнем, моя сестра будет рада гостям.

Оставив куртки и шлемы на байке, они вошли на просторную веранду, а уже через нее – в дом. Их встретила приятная молодая женщина в светлом платье.

– Тоха! – обрадовалась она шепотом, – мальчишки спят! – предупредила сразу.

– На кухню? – так же тихо уточнил Горецкий, сворачивая налево.

Там, за красивой витражной дверью обнаружилась просторная кухня, набитая техникой. Молодая женщина зевнула, щелкнула кнопкой кофеварки и представилась:

– Соня!

– Это имя, не прозвище, – подколол ее Горецкий.

– Да хоть горшком назови, только в печку не ставь, – хмыкнула Соня, – есть будете? – спросила она, доставая из холодильника миску с салатом, сыр, соленую рыбу и куриную грудку.

– Секлетинья, – негромко представилась девушка, глядя как ловко хозяйка дома делает бутерброды, а потом засовывает половину в микроволновку, чтобы расплавился сыр.

– Секлетинья? – чуть удивленно переспросила Софья, доставая сок и минеральную воду.

– Бабушка так назвала, – пожала плечами Клеточка.

– Оригинально, – улыбнулась сестра Горецкого, снимая с подставки свой кофе и с наслаждением делая глоток.

Тем временем пискнула микроволновка, и Соловей сам достал горячую тарелку, нашел бокалы, разлил сок и кивнул девушке на стол:

– Лопай! Мы тут немножко посидим, пока парни там разберутся.

Соня подняла бровь на эти слова, но Горецкий только мотнул головой и откусил самый большой бутерброд, делая вид, что страшно голоден. Клеточка тоже выбрала аппетитный кусочек хлеба с рыбкой, и ела, поглядывая на брата и сестру. Между ними словно шел незримый диалог. Наконец Антон вздохнул, качнул головой и заявил:

– Ну ты и упрямая! Как Женька тебя терпит? Сделай мне кофе, и я расскажу.

Софья светло улыбнулась, щелкнула кнопками кофемашины и поторопила:

– Рассказывай, мальчишки скоро проснуться!

– Это дочь Финна, – мужчина указал подбородком на Секлетинью.

– Вот как? – молодая женщина еще раз осмотрела девушку с ног до головы и одобрительно кивнула: – верю.

– Сомнений никаких, – поморщился Горецкий, – Марк всегда о ней знал. Но сейчас решил забрать к себе, и тут… появились варианты.

Клеточка сидела тихо, прислушиваясь к разговору. Она давно запомнила – сидишь тихо, не мешаешь, узнаешь больше, чем хотелось бы. На глазах закипели слезы. Значит – всегда знал? И не появлялся? Девушка склонила голову, медленно жуя ставший вдруг невкусным бутерброд. А Соловей продолжал:

– Финн уехал на несколько дней по делам, и поручил мне присматривать. А кое-кто похоже решил, что это хороший шанс с ним породниться.

Софья поперхнулась соком, промокнула брызги салфеткой и сказала:

– Понимаю. Но на что они рассчитывают? Финн зятя может и не принять…

Горецкий фыркнул:

– А репутация? Финн выходит на новые рынки. Сам холост, бабами не увлекается, не пьет, не играет. Им кажется, что они нашли его слабое место.

– Может и нашли, – сказала Софья и вздохнула: поел, дядюшка? Готовься!

Где-то недалеко зашлепали босые ноги, и в кухню вбежали два темноволосых малыша, похожих, как две капли воды. Следом зашла девочка постарше, потирая глаза кулачком:

– Мааам, – со слезами в голосе сказала она, – они меня разбудили!

– Ты моя красавица, – заворковала София, подхватывая дочку на руки, – смотри кто к нам пришел!

Пока мать уговаривала сонную девочку попить сока, умыться и посмотреть на гостей, мальчишки с радостным визгом повисли на Горецком. Он подхватил их, усадил на колени, и старательно слушал их лепет, попутно отодвигая локтем тарелки.

Секлетинья даже залюбовалась и поняла, почему этот суровый байкер помнит про возможные аллергии, и вообще следит за питанием. Мальчишки явно его любят, а он неплохо знает, что им нужно. Вот уже вручил по кусочку сыра, взял из вазочки крекеры, и обещает налить сока, как только они умоются. Наверное… он сможет стать хорошим отцом. Сердце девушки кольнуло. Откуда ей знать, что такое хороший отец? У нее никогда не было ни отца, ни матери.

Между тем детей умыли, утерли, и усадили – мальчишек в высокие стульчики со столешницами, девочку за общий стол, но на специальный детский стул. Каждый получил миску с фруктовым пюре и крекеры. Пока малыши жевали, брат и сестра о чем-то еще говорили под прикрытием болтовни и шума.

Клеточка даже не прислушивалась. Она и так поняла, что Софья не просто молодая мать, сидящая в декрете. Слишком проницательные взгляды, слишком четкая и деловитая речь. Бухгалтер? Аналитик? Явно из управленцев, но декрет не мешает ей быть в курсе дел. Это сейчас не важно. Важнее то, что Секлетинья уже услышала. Значит породниться… Вот почему они петляли. И та машина ей не привиделась!

Девушка забыла про еду, и не заметила, что ее особой заинтересовались дети. Как только им вытерли мордашки и выпустили из стульчиков, они тотчас потопали к новому интересному объекту. Девочке понравились волосы Клеточки – она сразу схватила прядь и потянула. Мальчишкам больше приглянулись ноги, обтянутые джинсами. Софья смотрела на действия детей с интересом, и ничего не предпринимала. Секлетинья вздохнула, проговорила про себя, что знаменитая игумения, в честь которой ее назвали никогда бы не позволила себе кричать на детей, потом ловко вынула прядку из липких пальчиков, а взамен дала кусочек банана. Потом встала уворачиваясь от мальчишек:

– Простите, где у вас можно помыть руки?

Сестра Горецкого нисколько не смутилась – показала на дверь, а едва девушка ушла, покачав головой сказала:

– Ну ты и попал братец!

– Я? Попал? Куда? – изумился Антон.

– Молоденькая, свеженькая, не испорченная. Не кукла, не глупышка. Да еще дочь Финна. Не пройдет и года, как он предложит тебе на ней женится. Для сохранения активов в семье.

– Упаси Бог! – Горецкий искренне испугался, – стар я уже для таких куколок!

– Стар не стар, – пожала плечами Софья, подхватывая сыновей, чтобы вынести их на веранду, в манеж, – а поверь, я в таких вещах редко ошибаюсь.

Глава 8

У Софьи они посидели пару часов, наблюдая за возней мальчишек то в манеже, то на аккуратном стриженом газоне. Потом Соловей расцеловал детей, передал привет мужу сестры, и утащил Секлетинью к мотоциклу. Уже во дворе, девушка поняла, что мужчине просто позвонили на гарнитуру. Быстро натянув куртки и шлемы, они сели на «железного коня» и через двадцать минут были в поселке, пролетев город на какой-то немыслимой скорости.

Бабуля встретила Клеточку ласково, но немного отстраненно.

– Рагу на плите, плюшки в духовке, ужинай, если голодная, я в сад выйду.

Девушка чуть не споткнулась. Плюшки? Бабуля всегда уверяла, что булки в ее возрасте вредны, да и внучке незачем портить зубы. Поэтому выпечка у них бывала лишь тогда, когда Маргарита Александровна волновалась, либо они ждали гостей. Во всех остальных случаях тонкий ломтик хлеба заменял все пироги и плюшки.

Рагу Секлетинья все же поела. Вернее, попыталась поесть. Смесь овощей и белого индюшачьего мяса была пересолена! Стряхнув остатки в ведро, девушка вымыла посуду, и не выдержала – утащила плюшку с яблоками и слопала ее с чаем. После целого дня переживаний и размышлений – можно.

Бабуля и правда нашлась в саду. Сидела в беседке, на уютном плетеном диванчике, и смотрела на зеленые побеги физалиса, окружающие ажурное строение. Секлетинья молча подошла, села рядом, оценила выражение лица любимой родственницы и спросила:

– Прощаешься?

– Прощаюсь, – не стала отрицать Маргарита Александровна.

– Думаешь не вернемся? – голос Клеточки все же дрогнул.

– Скорее всего – нет, – со вздохом признала бабушка. Потом пояснила: – я сегодня ездила в театр, и в магазины. Сопровождал мужчина, представительный

такой, с усами. Усадил меня в Плазе кофе пить, думал не замечу, как он по этажу мечется и распоряжения отдает.

– И за нами слежка была, – в унисон вздохнула внучка, – тоже метались, как ошпаренные. Думали не замечу.

– Переходим на новый уровень, – усмехнулась Маргарита Александровна.

Они еще посидели в уютном молчании, пока вокруг не зазвенели комары, потом вернулись в дом и разошлись по своим комнатам. Бабушка села за планшет, чтобы отыскать в сети кое-кого из бывших одноклассниц, а внучка залезла на портал местных новостей, чтобы поискать информацию о семье Горецкого. И нашла. Софья Иккон, в девичестве Горецкая. Экономическое образование, работа в московской фирме на ведущих ролях… Потом замужество и возвращение на родину. А кто у нее муж? Евгений Михайлович Иккон, исполнительный директор филиала фирмы «Финиш», крепкий мужчина с тяжелым взглядом и пудовыми кулаками. В старых статьях мелькает информация о том, что познакомились они при странных обстоятельствах, то ли нападение, то ли похищение, все смутно и обтекаемо, но юная Софья трогательно хороша на фотографиях, а ее муж и тогда производил впечатление дикого и опасного хищника. Рядом с таким, наверное, непросто.

Секлетинья вздохнула, и свернула окно браузера. Вызвала свои любимые шахматы, и принялась задумчиво двигать фигурки. Есть фирма. Есть ее владелец. Есть ладьи и туры, есть пешки – рядовые работники, в целом получается команда, успешно двигающая бизнес. Но нет кого? Правильно. Ферзя. Или королевы.

Перебрав все, что нашлось в сети об отце, девушка убедилась – постоянной женщину у него нет. Были какие-то яркие дамы на мероприятиях. Несколько раз он появлялся с Софьей, но уже после того, как она вышла замуж и перешла на работу в фирму Финна, а значит это были деловые выходы. И вдруг неизвестно откуда появляется она. Дочь. Наследница. Новая фигура на шахматной доске и пока она – пешка…

Почувствовав сонливость, Секлетинья убрала телефон, вытянулась и уснула. Потому и не слышала, как бабуля активно вела переговоры и легла спать глубоко за полночь. А утром девушку разбудила трель будильника – ее ждала

очередная консультация в школе.

День выдался особенно жарким. Клеточка вышла к воротам, забавно постукивая тяжелыми мотоботами, и поправила козырек кепки. Бабуля приучала ее носить головной убор и беречь кожу от солнца, но на этот раз девушка просто немного тянула время, чтобы полюбоваться потрясающей картиной – скучающий байкер у своего мотоцикла. Длинные ноги, обтянутые штанами, куртка с рисунком на спине, бандана – красная, в огурцах, и темные очки, с зеркальными стеклами. Просто рекламный постер – плохой парень, благоухающий чем-то пряным и острым!

– Доброе утро! – вежливо поздоровалась девушка.

– Снарягу надевай! – кивнул Соловей и открыл кофр, чтобы подать ей вещи.

Девушка без возражений надела куртку, которую держала в руках, с помощью мужчины упаковалась в перчатки и шлем, а после отдала ему кепку, очки и сумочку, чтобы убрать в кофр.

– Поедем быстро, у меня сегодня дела, – Горецкий был лаконичен, как всегда. – Во сколько освободишься?

– В час, примерно, – пожала плечами Секлетинья, – если отпустят раньше – наберу.

Мужчина молча сел за руль, и разговоры прекратились.

У школы девушка молча сняла экип, сложила в плотный сверток, который Горецкий просто пристегнул ко второму сидению и сразу отдал ей ее вещички из кофра. Потом одернула кевларовые джинсы и поспешила на занятия. Мужчина проводил ее взглядом и быстро выехал за пределы школьного двора. Дела у Антона действительно были – ему не терпелось узнать, кто это так нагло гонял его по всему городу? И только ли дочка Финна тому причиной?

Оставив девчонку в школе, он выехал на центральную улицу и щелкнул языком, выводя телефон на голосовой набор:

– Алехан, день добрый! Что по вчерашнему шлейфу?

– Добрый, добрый, или как посмотреть, – отозвался старый друг, – приезжай, это лучше лично.

– Уже, – отозвался Соловей, круто сворачивая к гаражам, спрятанным в неудобном для застройки холме. – Встречай!

Гаражный кооператив отделяли от дороги солидные ворота с будочкой охранника. Увидев знакомый байк, охранник нажал кнопку, впуская гостя. Сбросив скорость, Горецкий прокатился мимо потрепанных жизнью металлических дверей, кое-как выкрашенных серебрянкой, и остановился у приоткрытой такой же двери, украшенной силуэтом мотоцикла. Поставил своего «коня» на подножку, и снял шлем.

– Привет! – из гаража выглянул плотный приземистый крепыш с короткой пшеничной челкой.

– Привет! Пригласишь?

– Конечно! Ребята в разгоне все.

Алехан приветливо распахнул ворота, позволяя вкатить приметный байк внутрь.

Гараж был просторным. От старой постройки советских времен остались только передние стены со страшными воротами. Внутри же все было переделано. Никаких погребов и кучи хлама – аккуратно забетонированный пол, стеллажи с инструментами и деталями, стойки для мотоциклов и даже специальный отсек для аэрографии.

А еще тут был стол с кофейной машиной, чайником, микроволновкой и приличным запасом еды. Жена Алехана – настоящая восточная красавица, никогда не выпускала его из дома без сумки с мантами, беляшами, лепешками и прочими радостями восточной кухни.

– Чай? – блондин знал вкусы друга.

– Покрепче, – Соловей поежился, – морозит отчего-то.

– Ты не заболел? Жара стоит!

– Устал, наверное. Финн полночи в скайпе висел, договоры сверяли. Так что там по хвосту?

– Мы этих молодчиков вчера запутали слегка, потом прижали. Пришлось Димону звонить, чтобы в обезьяннике подержал. Однако капризные мальчики из той «хонды» и часа в предвариловке не провели!

– Быстро! – Горецкий принял кружку красноватого от крепости чая, и с удовольствием принялся таскать чак-чак, лежащий на расписном фаянсовом блюде.

– О чем и речь. Причем звонил на их счет типчик из администрации… Ты его знаешь, погоняло «Рататуй».

Соловей хмыкнул. Изящно замаскировали слово «крыс», но суть не поменялась. Мелкий чиновник был посредником для тех, кто не хотел светиться на мелких делах, но имел свой интерес.

– Значит слежку отпустили, а тебе не звонили?

– Мне нет, – дернул углом рта Алехан, – а вот Зуле… Дядюшка позвонил, побранил, что мужа плохо дома кормит, раз он на дороге разбоем занимается.

– О, как! – Горецкий аж подпрыгнул на высоком табурете, – а диаспора то тут причем?

– Думаю тут конкретно дядю попросили, – пожал плечами Алехан, – но очень быстро.

– Да, я оценил, – забыв про сладости, Соловей цедил чай и думал. Финн ночью снова напомнил ему про Каменского, про интерес к бизнесу и кое-чему еще. Что если это действительно не только помощник депутата воду мутит, но и мэр пытается отследить… – Так, мне пора! Всех посылай лесом, а дядюшке передай,

что похищения невест уже вышли из моды. И если ему предложат поучаствовать… пусть лучше откажется!

С этими словами Горецкий выкатил байк из гаража, натянул шлем, и дал газу.

Глава 9

В школу Секлетинья вошла привычно, не глядя по сторонам. Поздоровалась с охранником, дядей Гришей, и громыхая тяжелыми ботами зашла в раздевалку. Летом тут не было гардеробщицы, но оставались ряды крючков и стойка с ящиками для обуви.

Оставив тяжелые ботинки в пакете, девушка с облегчением натянула балетки и поспешила к лестнице на второй этаж. Возле нее стояли незнакомые девушки в цветастых платьях и в платках на голове. Увидев Клеточку, они посторонились, пропуская, а потом ей в лицо прилетела струя холодного газа, сладко пахнущая чем-то ванильным, и все вокруг потемнело.

Очнулась Секлетинья от мучительной жажды. Голова кружилась и болела, во рту была Сахара, а руки и ноги почему-то ныли, словно она весь день занималась танцами без передышки. А еще беспокоил запах. Совсем не пахло ни бабушкиными духами, ни цветами из сада, ни любимым гелем для стирки. Приоткрыв глаза и тихонечко застонав, девушка долго хлопала глазами, разглядывая висящий на стене ковер. Потом медленно поднялась, не веря своим глазам. Узкая, как пенал комната вся была устлана шерстяными коврами. Даже странное возвышение, на котором она лежала тоже укрывал ковер. Рядом стоял низкий столик, а на нем прозрачный кувшин с водой и стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sobolyanskaya_elizaveta/kletka-dlya-solov-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить